

М.А. Павликова (Институт языкознания РАН)

M.A. Pavlikova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**Функционально-стилистические особенности
древнеисландского причастия в песнях «Старшей Эдды»**

Часть II

Functional and Stylistic Properties of Old Icelandic

Participle I in the Lays of the Elder Edda

Part II

Аннотация

Настоящая статья является продолжением одноименной работы, опубликованной предыдущем выпуске электронного сборника «Лингвистика и методика преподавания иностранных языков» (Вып. 7. М., 2015).

На основании формального анализа синтаксического окружения причастий на -*ande* (так называемого причастия I) в «Старшей Эдде» выделяется 5 структурных схем предложения. Первые три схемы, проанализированные в предыдущей статье, образуют синтаксическую конструкцию I, содержательным признаком которой является аморфность, что знаменует переход от функции именного атрибута к функции предикативного атрибута (общегерманская инновация).

Проводимый в настоящей работе лексико-грамматический, стилистический и сравнительно-парадигматический анализ схем 4 и 5 показывает, что в древнеисландском языке существовала и синтаксическая конструкция II, содержательным признаком которой являлась простая атрибутивность.

Анализ оставшихся примеров причастия I из «Старшей Эдды», задаваемых множеством микросхем, позволяет говорить также о синтаксической конструкции III, содержательным признаком которой является субстантивация причастия I.

This article is a continuation of the same-named paper published in the previous issue of this collection of papers (Issue 7, Moscow, 2015).

Based on formal analysis of the syntactic environment of participles ending in *-ande* in the Elder Edda, 5 structural sentence-patterns have been established. The first three examined in the previous paper make up Syntactic Construction I, whose contentional feature is amorphy, manifesting transition from the function of nominal attribute to that of predicative attribute (Germanic innovation)

Lexical-grammatical, stylistic, and comparative-paradigmatic analyses of patterns 4 and 5 in the present paper reveal them to signal to the existence of Syntactic Construction II in Old Icelandic, the contentional feature of which was simple attributiveness.

The analysis of the remaining Elder Edda examples of Participle I manifested by a number of micropatterns also allows one to state the existence of Syntactic Construction III in Old Icelandic the contentional feature of which is substantivity.

Ключевые слова

Лексико-грамматический анализ, стилистический анализ, сравнительно-парадигматический анализ, простая атрибутивность, субстантивация, препозиция, постпозиция, продуктивная модель, непродуктивная модель

Lexical-grammatical analysis, stylistic analysis, comparative-paradigmatic analysis, attributiveness, substantivisation, pre-position, postposition, productive model, unproductive model

СХЕМА 4

Формально задается как: Part I + N

(причастие согласуется с существительным в роде, числе и падеже)

§ 1. Лексико-грамматический аспект

Различительным признаком данной схемы (в отличие от схем 1, 2, 3) является контактная препозиция причастия I к существительному.

В «Старшей Эдде» обнаружен 21 пример, иллюстрирующий данную схему. Причастия I в примерах данной группы образованы от следующих непереходных глаголов:

brenna	—	гореть (2 примера)
bresta	—	лопаться, трескаться
falla	—	падать
fara	—	ехать, двигаться
fliuga	—	лететь
gala	—	каркать
gína	—	разевать пасть
hverfa	—	поворачиваться (2 примера)
lifa	—	жить
liggia	—	лежать
gýta	—	хрюкать
skína	—	светить, сиять (3 примера)
sofa	—	спать
uppreнна	—	восходить, вставать (о солнце)
vaða	—	расти
vella	—	бурлить, кипеть
velta	—	катать(ся)

Если лексико-грамматические особенности компонентов схем 1, 2 и 3 являются сходными, то для компонентов схемы 4 характерны иные различительные признаки:

1) существительное, в контактной препозиции к которому находится причастие, в большинстве случаев не является подлежащим (19 примеров из 21). Исключение составляет следующий пример:

sialdan *liggiandi ulfr lær um getr, né sofandi maðr sigr* (*Háv. 58, 4*)

—редко лежащий волк получает добычу, а спящий человек —победу;

2) в большинстве примеров существительное стоит в дательном падеже (17 примеров из 21), например:

a) *í veltanda vatni lýsaz valbaugar* (*Akv. 27, 9*)

— в катящейся воде сверкают вальские кольца.

б) *Øngr skal gumna í gogn vega síð skínandi systur mána* (*Rm. 23, 1*).

— Никто из бойцов сражаться не должен лицом к поздно сияющей сестре луны (т.е. к заходящему солнцу).

в) ... *með brennandom líósom ok bornom viði* (*Háv. 100, 4*)

—светящимися факелами и завалами из брёвен.

В двух примерах данной группы существительное стоит в винительном падеже:

a) *Lifanda gram lagði í garð* (*Akv. 31, 1*)

—Живого князя положили в ров.

б) *kalla hverfanda hvél helio í* (*Alv. 14, 3*)

— Называют вертящимся колесом (Вертящееся Колесо) в Хель (луну).

“hverfanda hvél” — сложное дополнение при глаголе “kalla” ‘называть’, в этой функции существительное в древнеисландском языке стоит в винительном падеже.

И, наконец, в двух примерах, приведенных выше, (*liggiandi ulfr, sofandi maðr*) существительное, с которым согласуется причастие I, стоит в именительном падеже.

3) Все эти существительные, независимо от падежа, в котором они стоят, отличны от существительных в схемах 1, 2 и 3 тем, что все они являются не определёнными, а, напротив, представляющими целый класс предметов, либо отдельный предмет, который, однако, не выделен, не индивидуализирован никакими лексическими или грамматическими средствами. Единственным исключением в этом плане является пример *Lifanda gram lagði í garð* (*Akv. 14, 3*), где речь идёт об определённом лице (Гуннаре), что становится понятным за счёт постановки словосочетания “lifanda gram” в начало предложения, т.е. отдельный предмет здесь выделен грамматическим средством

(порядком слов). Кроме того, о каком князе идёт речь, мы понимаем из контекста ситуации. Подобная особенность схемы 4 связывается с тем фактом, что некоторые из примеров данной группы можно рассматривать как пословицы, как некие устойчивые народные речения, которые используются в поэзии, например:

a) *sialldan liggiandi ulfr lær um getr né sofandi maðr sigr* (Háv. 58, 4)

(перевод см. выше);

б) *á hverfanda hvéli vóro higrto skqþoð* (Háv. 84, 4)

— на вертящемся колесе были им (женщинам) слеплены сердца.

Именно для пословиц и поговорок свойственна передача самых общих понятий, отсюда — неопределённость существительного, входящего в схему 4.

4) Если рассматривать лексические значения существительных и причастий — компонентов схемы 4, то можно отметить, что действие, идею которого несёт в себе причастие, является зачастую весьма характерным для субъекта, выражаемого существительным:

a) <i>Brestanda loga,</i>	<i>brennanda loga,</i>
<i>gínanda úlfi,</i>	<i>galanda kráko,</i>
<i>týlanda svíni,</i>	<i>rótlausom viði,</i>
<i>vaxanda vági,</i>	<i>vellanda katli,</i>
<i>fliuganda fleini,</i>	<i>fallanda báro</i>

... *trúi engi maðr.* (Háv, 85-86, 1).

— Трескающемуся луку, горящему пламени, разевающему пасть волку, каркающей вороне, хрюкающей свинье, стволу без корней, встающему валу, кипящему котлу, летящему копьё, падающей лавине ... не верь, человек.

б) *Svalinn heitir, haun stendr sólo fyrir, skiqldr, skínanda goði* (Grm. 38, 4)

— Свалин зовётся, он стоит перед солнцем, щит, сияющим богом (божеством).

В этих примерах причастие и существительные чрезвычайно тесно связаны между собой, они образуют словосочетание, по значению приближающееся к сложному слову,

например: *skínanda goð* ‘сияющий бог’ — кёнинг для понятия, выражаемого словом *sól* ‘солнце’.

Все указанные выше особенности компонентов схемы 4 указывают на то, что препонированное причастие I в «Старшей Эдде» образует с существительным атрибутивный комплекс. Но модель эта, по всей вероятности, к моменту записи песен «Старшей Эдды» являлась непродуктивной, о чём свидетельствует, например, тот факт, что примеры данной группы в большинстве случаев (19 из 21) принадлежат к циклу песен о богах, который, по мнению исследователей, является более древним, чем другой цикл песен «Старшей Эдды»¹ — песни о героях. В частности, особенно много примеров, отвечающих схеме 4, встречается в «Речах Высокого» — одной из древнейших песен «Эдды». Кроме того, в древнеисландской прозе, как указывает М.И. Стеблин-Каменский [7; 8] — причастие как определение при существительном употребляется также только в устойчивых словосочетаниях: *farandi konur* — ‘нищенки’, *dugandi maðr* — ‘храбрец’ (русские переводы примеров передают то же тяготение данных сочетаний к образованию сложного слова, что и в поэзии). Сравним, например, древнеисландское *at upprennandi sólo* (Hrbl. 58, 20 — ‘на рассвете’ (букв. при восходящем солнце).

Интересно отметить, что данное словосочетание встречается и в других древнегерманских языках:

г. *at urinnandin sunnin* (Marc. XVI, 2).

двн. *sunne uph stiganteru* (Mons. Fragm),

или *ufganganteru sunnun* (Tat.)², что свидетельствует об их автохтонности.

Подобные примеры в самой «Старшей Эдде» могут повторяться из песни в песню, например, сочетание *fyr /fyrir/ skínanda goði* — «перед сияющим богом» — встречается в данном памятнике 3 раза: в «Речах Регина», «Речах Сигрдривы» и в «Речах Гримнира». Такая устойчивость данной модели, возможность её повторения говорят об её древности и непродуктивности.

¹ Codex Regius (2365) датируется 2-й половиной XIII в. (около 1270 г.).

² Примеры взяты из автореферата диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук Б.М. Задорожного [8].

СХЕМА 5

Формально задается как: $\sqrt{+N+Part I}$

причастие согласуется с существительным в роде, числе и падеже).

Основным схемообразующим признаком здесь является контактная постпозиция причастия I к существительному.

Данную схему в «Старшей Эдде» иллюстрируют 8 примеров, причём 2 из них разнятся только предлогами:

af geirí giallanda (Акв. 5, 3);

með geirí giallanda (Акв. 14, 15).

Причастия I в примерах данной группы образованы от следующих непереходных глаголов:

gialla — громко звучать (2 примера)

gína — разевать пасть

glymia — шуметь

spá — прорицать

standa — стоять (2 примера)

vella бурлить, кипеть

Основным отличием схемы 5 от схемы 4 является позиция причастия относительно существительного: в схеме 5 мы наблюдаем контактную постпозицию причастия, тогда как в схеме 4 — контактную препозицию. Что касается характерных свойств компонентов схем 4 и 5, то здесь есть как сходные, так и различные черты. Так в группе примеров 5:

1) существительное в 7 примерах из 8 не является подлежащим. Исключение составляет пример:

allt er þar ætl þin, Óttarr heimski:

... Gunnarr bálkr, Grímr arðskafi,

íárnskiǫldr Þórir, Úlfr gínandi (Hdl. 20-9).

— Стар род твой, Оттар Глупый: ... Гуннар Стена, Грим Закалённый, Торир Железный Щит, Ульв Разевающий Пасть.

Необходимо, однако отметить, что этот пример, хотя формально он и отвечает схеме 5, по функции причастия “gínandi” отличен от других примеров данной группы, поскольку причастие здесь является приложением к существительному “Úlfr”: подобных примеров а нашем распоряжении больше нет.

2) существительные в 7 оставшихся примерах данной группы стоят в дательном и винительном падежах, причём в отличие от примеров предыдущей группы, примеры с винительном падежом преобладают (5 vs. 2):

а) примеры с существительным в винительном падеже:

Sentu at Saxa, sunumanna gram:

Hann kann helga hver vellanda (Gðr. III, 6, 4) — Пошли за Сакси, князем южан: он может освятить кипящий котел.

Hverir ríða þar

Rævils hestom

hávar unnir,

háf glymianda? (Rm. 16, 4)

— Кого мчат там Ревилы кони по высоким валам, по шумящему морю?

Hóf hann sér af herðom hver sfandanda (Hym. 36, 2)

— Поднял у себя с плеч он стоящий котёл.

Lét hon mar fara moldveg sléttan, unz at hári kom hǫll standandi (Od. 3, 4)

— Пустила она коня по гладкому земляному пути, пока не достигла высоких стоящих палат.

Valði henni Herfǫðr hringa ok men, fekk spiǫll spaklig ok spáganda³; (Vsp. 29, 3)

— Выбрал ей Один кольца и ожерелья, получил умную и прорицающую беседу;

б) примеры с существительным в дательном падеже:

³ В данном примере в контактной постпозиции к существительному находится прилагательное “spaklig”, а причастие I “spáganda” — дистактно, но, поскольку прилагательное и причастие являются однородными членами предложения, то, очевидно, данный пример можно рассматривать как иллюстрацию схемы 5.

Völl léts ykkur ok gefa mundo viðrar Gnitahuðar, of geiri giallanda ok af gyltom stöfnum
(Akv. 5, 3)

— Широкое (он) даст вам Гнидахейд-поле, звенящие пики, позолоченные челны.

At varða þeim Gunnari, ef þeir hér vitia kvæmi með geiri giallianda at vekia gram hildi
(Akv. 14, 15)

— Чтобы встретить Гуннара и его людей, если они придут сюда со звенящими пиками, чтобы затеять с князем битву;

3) так же как и в примерах группы 4, существительное, в контактной постпозиции к которому находится причастие, не определено никакими языковыми или речевыми средствами, за исключением отдельно стоящего случая “Úlfr gínandi”, где причастия I выступает в функции приложения (возможно, здесь уже имеет место субстантивация; ср. с переводами:

шв. Ulf gapande

англ. Ulf the Gaper

русс. Ульф Жадный Зев

Причастие “gínandi” в древнеисландском примере сочетается с именем собственным “Úlfr”, выражая кличку, прозвище, что и подтверждают переводы данного сочетания на современные языки.

4) Что касается лексических значений существительных и причастий, являющихся компонентами схемы 5, то часто, как и в схеме 4, признак, выраженный причастием, является весьма характерным (типа постоянного эпитета) для предмета, выраженного существительным, например:

hver vellanda — кипящий котел;

haf glymianda — шумящее море

með geiri giallinda — со звенящими пиками и т.д.

Исключениями в этом плане являются примеры:

hver standanda — стоящий котел (Нум 36, 1) и

spíðll spáganda — предсказывающий разговор (Vsp. 29, 3-4), где причастия обозначают либо одно из возможных положений предмета, либо одно из возможных качеств предмета, а не дают наиболее типичный признак данных предметов, как причастия в других примерах данной группы. Ср. примеры:

hver vellanda	vs.	hver standanda
признак наиболее типичен		признак произволен.

При переводе примера (Нум 36, 1) на английский и шведский языки причастие I вообще опускается:

англ. From his shoulders he lifted the kettle down.

шв. Sig af skuldran hof han kittelen, следовательно, в данных переводах идея древнеисландского предложения упрощается, английское существительное “the kettle” и шведское “kittelen”, в отличие от древнеисландского “hver”, никак не охарактеризовывается. Вероятно, переводчикам данного примера признак, выраженный причастием, представляется не несущим существенной информации о предмете.

Таким образом, схемы 4 и 5, если исходить из значения их компонентов, проявляют большое сходство в своём содержании: по всей вероятности, схема 5 также представляет собой атрибутивный комплекс с теснейшей синтаксической связью, о чём свидетельствуют в частности переводы данных примеров на английский и шведский языки, например,

ди. hann kann helga hver vellanda.

англ. he can hallow the boiling cauldron.

шв. han kan helga den sjudande kittel'n.

В данных переводах причастие оказывается в контактной препозиции к определяемому существительному, т.е. в такой позиции, где причастие I в современных германских языках выступает в атрибутивной функции. Тем не менее, несмотря на сходство в содержании схем 4 и 5, рассматривать модель 5 как непродуктивную по аналогии с моделью 4, а примеры данной группы как устойчивые словосочетания мы не имеем особых оснований, поскольку лексические значения существительных и

причастий не всегда тесно связаны между собою, и, кроме того, в примерах группы 5 отсутствуют сочетания, которые можно рассматривать как определённые речения типа пословиц и поговорок.

Сходство в содержании схем 4 и 5 позволяет считать, что мы имеем здесь дело с синтаксической конструкцией II, основным содержательным признаком которой является функционирование причастия I в качестве простого атрибута. Различительные признаки данной конструкции следующие:

1) существительное, как правило, не является подлежащим; стоит в косвенном падеже;

2) это существительное не определено никакими языковыми или речевыми средствами;

3) признак, выраженный причастием, может быть как характерным для предмета, так и произвольным (последнее бывает реже).

Эта конструкция имеет 2 варианта:

1) непродуктивный (представленный схемой 4) и

2) продуктивный (представленный схемой 5).

§2. Стилистический аспект

В параграфе 1 было показано, что схема 4, где причастие I функционирует как простой атрибут, образуя в определяемом существительным атрибутивный комплекс с теснейшей синтаксической связью, являлась непродуктивным вариантом синтаксической конструкции II в древнеисландском языке ко времени записи эдических песен. Однако в исследуемом памятнике эта схема используется наиболее часто (около 40% случаев употребления причастия I), что, вероятно, связано с тем, что в языке малопродуктивные и непродуктивные модели всегда функционируют в стилистически отмеченных контекстах. Принимая во внимание то, что было сказано выше об устойчивом характере словосочетаний, образуемых по данной схеме, о калькировании подобных моделей из одного германского языка в другой, о том, что многие примеры, иллюстрирующие данную схему, носят характер пословиц и поговорок, можно считать функции причастия

I в данной схеме принадлежащей уровню речи (контексту исследуемого памятника). В пользу такой трактовки функции причастия в схеме 4 свидетельствует и тот факт, что использование данной синтаксической схемы в древнеисландской поэзии тесно связано с такой характерной чертой этой поэзии, как аллитерация, например:

а) kalla hverfanda hvél helio í (Alv. 14, 3)

б) sialdan liggiandi ulfr lær um getr, ní sofandi maðr sigr (Háv. 58, 4)

в) svalinn heitir, hunn stendr sólo fyrir, skigldr, skinanda goði (Grm. 38, 1).

Что касается статуса причастия I в схеме 5 (продуктивный вариант конструкции II), то рассматривать его функционирование только на уровне речи у нас нет оснований, ибо при анализе данной схемы не было выявлено каких-либо свойств, делающих постпонируемое причастие I стилистически маркированным. Интересно, что при переводах примеров группы 5 на современные германские языки причастие I ставится в препозицию к существительному, т.к. именно в этой позиции атрибутивная функция причастия I в современных языках является стилистически нейтральной. Таким образом, именно препозиция причастия I в переводах позволяет наиболее адекватно выразить отношения в древнеисландском атрибутивном комплексе, где причастие постпонируемо.

Ср. ди. með geiri *giállanda* vs. англ. with *yelling* dart

шв. med *kliugande* spjut (Alv. 14, 15)

Подводя итоги исследования синтаксической конструкции II на материале песен «Старшей Эдды» можно заметить следующее: если в конструкции I причастие I входит в структуру предложения, соотносясь с его главными членами, то употребление причастия I в конструкции II ограничивается словосочетанием, причем причастие I образует атрибутивный комплекс с дополнением, а не с подлежащим предложения. Это означает, что функционирование причастия I в конструкции II является как бы периферийным в системе древнеисландского языка по сравнению с функционированием этой формы в конструкции I. С другой стороны, лексически причастия в конструкции II весьма разнообразны, что отличает их от причастий в конструкции II, которые характеризуются лексической бедностью. Эти явления говорят о том, что в «Старшей Эдде» мы имеем

дело с разными стадийными пластами в развитии причастия I⁴, при этом функционирование причастия I в конструкции II представляется архаичным, вытесненным на периферию древнеисландского синтаксиса, а сама конструкция II — реликтовой, тогда как синтаксическая конструкция I является языковым новообразованием и имеет возможности дальнейшего развития.

§ 3. Сравнительно-парадигматический аспект

Исходя из той посылки, что основной проблемой, интересующей нас в связи со статусом древнеисландского причастия I, является вопрос о его отношениях к именной и глагольной системам, целесообразно после подробного анализа причастия I в конструкции II, выделенной на основании материала одного из памятников древнеисландской поэзии, сделать небольшое сравнение функционирования древнеисландского причастия I с древнеисландским прилагательным, т.е. с именной формой, которой причастие I родственно. Поскольку объектом сравнения мы выбираем только причастие I в конструкции II, где оно функционирует как простой атрибут, то закономерным образом для сравнения выбираются древнеисландские поэтические примеры с прилагательными в той же функции.

Исследователи древнеисландского синтаксиса отмечают, что древнеисландское прилагательное, функционирующее в качестве простого атрибута, в большинстве случаев стоит перед определяемым словом. Однако, возможна постановка прилагательного и в постпозицию к определяемому слову, не влекущая за собой изменения синтаксической функции прилагательного; при этом порядок слов имеет синтаксическое значение. Как указывает С.Д. Кацнельсон, «различие в порядке слов выражает ... противоположность индивида и обезличенного множества. Чем ярче выступает индивидуальный характер предмета (не обязательно лица), чем ближе определяемое существительное к имени собственному, тем вероятнее постпозитивная постановка прилагательного» [3,

⁴ Это в свою очередь связано с тем, что в «Старшей Эдде» «есть несомненно наложение... стилей и жанров разных эпох» [8, 2].

145—146]). Иллюстрацией этого положения могут служить следующие примеры из песен «Эдды»:

а) *Ganga hér at garði gullhrynðar kýr, øxn alsvartir, iǵtni at gamni* (Þrk. 23, 3)

— Пригоните сюда со двора золоторогих коров, быков совершенно чёрных йотунам на радость.

б) *Láttu þér af hǫudom hringa rauða ...* (Þrk. 29, 6)

— Пожалуй с твоих рук кольца золотые.

В этих примерах существительные обозначают предметы, играющие важную роль в скандинавской мифологии. Подобные предметы стоят как бы обособленно от множества других предметов, для мифологии не столь существенных. Поэтому существительные, эти предметы обозначающие, определяются постпозированными прилагательными (выступающими как постоянный эпитет).

в) *Gengo iarlar alsnotrir fram* (Gðr. I, 2, 1)

— Пошли ярлы хитрые вперёд.

В этом примере существительное «iarlar» обозначает определённых людей, что видно из контекста, т.е., хотя данные лица по именам не называются, их имена подразумеваются. Примеров этого рода особенно много именно в мифологических песнях «Эдды», в жанре поэзии. Следовательно, функция древнеисландского постпозитивного прилагательного может быть рассмотрена как несущая коннотативную нагрузку в поэзии. Причастие же, в отличие от прилагательного, в функции постоянного эпитета в древнеисландской поэзии стоит перед определяемым словом (схема 4 в «Старшей Эдде»). С другой стороны, прилагательное в препозиции к определяемому слову можно охарактеризовать как стилистически нейтральное, а причастие I, как показывает анализ схемы 5 в «Старшей Эдде», оказывается стилистически нейтральным в постпозиции. Так в примере из «Речей Регина»:

Hverir ríða þar

hávar unnir

Rœvils heston

haf glymianola? (Rm. 16, 4)

— (Кого мчат там Ревилы кони по высоким валам, по шумящему морю?) стоящие рядом сочетания существительных с прилагательным и причастием I, где позиции последних относительно первых различны, по всей вероятности, с точки зрения их стилистического функционирования являются равнозначными: и прилагательное, и причастие I функционируют в качестве стилистически нейтрального простого атрибута.

Таким образом, становится очевидным, что в древнеисландской поэзии причастие I и прилагательное выполняют тождественные функции (либо стилистически нейтрального простого атрибута, либо стилистически маркированного простого атрибута) в разных синтаксических позициях, хотя, конечно, это различие можно рассматривать только на уровне речи.

Субстантивированные причастия I в «Старшей Эдде»

§ 1. Субстантивация причастий, как и субстантивация прилагательных, основана на возможности их синтаксически самостоятельного употребления как подлежащего, дополнения или субстантивного атрибута. При этом причастие теряет всякое отношение не только к категории времени, но и к категории вида [5].

В «Старшей Эдде» *субстантивированные причастия I* представлены в большом количестве: 17 примеров из 64, т.е. свыше 25% всех причастий I, использованных в данном поэтическом памятнике, являются субстантивированными. Для проведения анализа этой группы примеров мы отступаем от общего принципа, положенного в основу классификации примеров в данной работе: движения от плана выражения (синтаксической схемы) к плану содержания (синтаксической функции причастия в этой схеме). К подобному отступлению представляется необходимым прибегнуть потому, что примеры этой группы на основании схем, которые позволяет выделить материал этих примеров, можно разделить на множество мелких подгрупп, что, однако, не представляется целесообразным, т. к. несмотря на всё различие и пестроту схем, которые тут могут быть представлены, все примеры данной группы объединены общей особенностью: причастие I в этих примерах субстантивировано или тяготеет к

субстантивации. Субстантивированные причастия в «Старшей Эдде» образованы от следующих глаголов ⁵:

flýta	—	торопить, ускорять
glúpna	—	раскрывать рот
gráta	—	плакать
gróa	—	расти
hlæia	—	смеяться
hyggia		думать (3 примера)
liggia		лежать
mega		мочь
miðla		делиться, давать
mólka		доить
sitia		сидеть (2 примера)
una		быть довольным
vita		знать

Рассмотрим примеры данной группы и их особенности.

a) Opt sitianda sǫggor um fallaz,

ok liggiandi lygi um bellir (Þrk. 103, 5)

— Часто сидящим вести забываются, а лежащие осмеливаются на ложь.

Основным признаком субстантивации причастий в этом примере является выполнение ими функции подлежащего:

б) ígrœn iǫtnar, álfar gróandi (Alv. 10, 4)

— (Землю называют) зелёной йотуны, дающей рост альвы.

Gott er at raða Rinar málmí

ok unandi auði stýra

⁵ Отмечаем, что причастия в данной группе, в отличие от причастий в группах, рассмотренных выше, могут быть образованы как от переходных, так и от непереходных глаголов.

ok sitiandi sælo nióta! (Sg. 16, 5-8)

— Хорошо распоряжаться сокровищем Рейна и довольному богатством управлять и сидящему пользоваться счастьем!

Причастие I в данных примерах выступает в функции предикативного атрибута, стоит в именительном падеже:

в) gløðom er betra, en sé glúpnanda, hvat sem at hendi kœmr (Fm. 31, 5)

— Храброму лучше, чем разевающему рот на то, что само идёт в руки.

Причастие I, стоящее в дательном падеже, является субъектом действия, который в древнеисландском языке может стоять в дательном падеже, следовательно, причастие “glúpnanda” субстантивировано.

г) þaðan koma meyjar, margs vitandi, þriar (Vsp. 20, 2)

— Оттуда пришли три девы многознающие.

fundo á landi, lítt megandi,

Ask ok Emblo, ørløglausa (Vsp. 17, 6)

— нашли на берегу мало могущих Ясеня и Лозу, судьбы не имеющих.

Если рассматривать эти примеры с формальной точки зрения, то становится очевидной их близость к схеме 1 (V + N + Part. I), исключением является только наличие зависимых слов “margs” и “lítt”, которые стоят между причастиями и существительными. Однако, с точки зрения содержания, между этими примерами и примерами, отражающими схему I, нет общего. Разница в содержании выражается и в различии признаков компонентов данных примеров и примеров, относящихся к схеме I. Так, например, существительные “meyjar”, “Ask”, “Emblo” не определены никакими языковыми или речевыми средствами, а глаголы “vita” и “mega”, от которых образованы причастия, являются переходными:

д) Hug hefðir þú, Hamðir, ef þú hefðir hyggiandi (Hm. 27, 2)

— Мужество имел бы ты, Хамдир, если бы имел ты соображение (ум).

átta vetr vartu fyr iqrð neðan kýr mólkandi ek kona (Ls. 23, 4)

— восемь лет был ты внизу на земле коров доящим и женщиной.

В этих двух примерах субстантивация причастий явствует из комплетивной связи с глаголом “hefðir” и существительным “kúg”;

e) fárs var hann flýtandi (Hm. 4, 3)

— он был осуществляющий злое намерение.

sá er vitandi er *vits* (Háv. 18, 6)

— тот, кто есть разумеющий разумом своим.

В этих примерах мы имеем дело с формальным признаком субстантивации причастия I в древнеисландском языке: заменой прямого дополнения субстантивным атрибутивным расширением в родительном падеже⁶. Ср. также пример: “... meyiar, margs vitandi”.

ж) At hyggiandi sinni skylit maðr hræsinn vera (Háv. 6, 1)

— Умом своим человек не должен хвалиться.

Unz af hyggiandi hgrskrydd kona, ung at aldri orð viðr um kvað. (Sg. 51, 1)

— Когда подумала жена в полотняной одежде, юная летами, слово промолвила.

В этих примерах признаком субстантивации причастий служит употребление при них предлогов и т.д.

Подробный анализ примеров с субстантивированными причастиями даёт возможность выявить различительные признаки конструкции III, в которой происходит субстантивация причастий:

1) замена прямого дополнения атрибутивным расширением в родительном падеже;

2) причастие I может быть образовано и от переходных глаголов (*vita*, *mega*, *miðla*);

3) глаголы, от которых образуются причастия, обозначают действия, которые может выполнять только человек (или человекоподобное сказочное существо)/;

⁶ Возможно, с этим же признаком мы сталкиваемся в примере “kúg mólkandi...”, но точно это установить невозможно из-за омонимии форм винительного и родительного падежей существительного “kúg”.

4) субстантивированное причастие может быть определено указательным местоимением, по функции приближающимся к определённом артиклю в современных германских языках:

Ср.: ди.

англ.

glöðom er betra, en sé glúpnanda for the joyous it is better than for the sad. (Fm. 31, 5)

§ 2. После проведения анализа примеров из «Старшей Эдды», содержащих субстантивированные причастия I, мы подробнее коснёмся проблем субстантивации и адъективации в древнеисландском языке, поскольку данные проблемы являются важными аспектами вопроса о взаимосвязи синтаксической природы древнеисландских причастия I и прилагательного, вопроса, попытка найти ответ на который делается в настоящей работе.

Как показывает изучение материала «Старшей Эдды», субстантивированное причастие I в древнеисландской поэзии весьма частотно в отличие от древнеисландской прозы, где субстантивированные причастия I встречаются только как юридические термины⁷, следовательно, субстантивация древнеисландских причастий I может быть рассмотрена, в основном, на уровне речи (как одно из средств создания выразительности в поэтическом памятнике).

В свете теории Г. Пауля, который различает субстантивацию окказиональную (синтаксическую) и узуальную (семантическую), субстантивация причастий I [6] в древнеисландской поэзии может быть рассмотрена как окказиональная, при этом, как показывает анализ примеров из «Старшей Эдды», степень субстантивации причастий различна и зависит от лексико-грамматических особенностей компонентов синтаксических схем, где происходит субстантивация причастий; субстантивация же причастий I в древнеисландской прозе является узуальной, носитель признака уже не подразумевается:

⁷ А. Хойслер отмечает, что субстантивация древнеисландских прилагательных также более типична для поэзии, чем для прозы [10, 21—22].

dømandi — судья,

søkjandi — истец,

verjandi — ответчик и т.д.

В связи с вопросом об адъективации причастия I в древнеисландском языке требуется установить прежде всего, существует ли в древнеисландском языке отглагольное прилагательное, как, например, в современном английском языке. Согласно учению академика В.В. Виноградова [1], в силу синтаксической взаимозаменяемости с именем прилагательным причастие I в функции простого определения в значительной степени окачествляется, т.е. приобретает свойства прилагательного, а именно — способность обозначать признак. Причастие I теряет свои глагольные качества: категории залога, времени, способность управлять прямым дополнением и т.д. В функции простого определения причастие отличается от прилагательного только обозначением процессно-временного качества, что связано с семантикой глагола, от которого причастие образовано и не поддерживается внешними признаками. Всё это ведёт к адъективации причастия. При этом, как правило, происходит изменение в значении. Отглагольное прилагательное и причастие, от которого оно образовано, являются омонимами [9].

В нашем случае при анализе схем 4 и 5 изменений в семантике причастий не наблюдается, следовательно, данные исследования древнеисландской поэзии согласуются с утверждением Б.М. Задорожного, что адъективация причастий в древнегерманских языках есть явление редкое, малохарактерное [2]. В пользу такого взгляда на адъективацию древнегерманских причастий вообще и причастий I в древнеисландском языке, в частности, говорит и тот факт, что, как было показано выше, полной синтаксической взаимозаменяемости причастия I с именем прилагательным, что является одним из условий адъективации первого, в древнеисландской поэзии нет.

Рассмотрение возможности субстантивации и адъективации причастий I в древнеисландской поэзии оказывается чрезвычайно важным с точки зрения вопроса о связях древнеисландского причастия I с системами имени и глагола. Поскольку анализ

материала «Старшей Эдды» показывает, что адъективации древнеисландские причастия не подвергаются, а субстантивация древнеисландских причастий, напротив — явление обычное (по крайней мере, для поэзии), можно считать, что причастие I в древнеисландском языке, в отличие от тех же форм в современных германских языках, ещё очень тесно связано с системой имени, т.к. субстантивация, весьма характерная для древнеисландских причастий, есть коренное свойство имён (прилагательных). Адъективация же есть уже свойство глагольных форм, и тот факт, что адъективация не является характерной для причастия I в древнеисландском языке, говорит о том, что к системе глагола древнеисландское причастие I отнесено быть не может.

Заключение

В заключительной части данной работы мы, суммируя результаты проведенного исследования причастия I на материале песен «Старшей Эдды», сформулируем выводы относительно природы этой формы в древнеисландском языке. При этом подведенные итоги будут касаться как общих проблем определения системного положения древнеисландского причастия I, так и проблем синтаксического функционирования причастия I в исследованном памятнике древнеисландской поэзии.

Общий вывод

Несмотря на то, что морфологически причастие I в древнеисландском языке от системы имени не отделено, синтаксический анализ показывает, что процесс отрыва причастия I от именной системы и вовлечения его в систему глагола, столь характерный для германских языков на современном этапе их развития, начал разворачиваться уже в древнеисландском языке, т.к. древнеисландские причастие I и прилагательное в одной и той же синтаксической позиции (постпозиции к определяемому слову) могут выполнять различные синтаксические функции: прилагательное — функцию простого атрибута (типа постоянного эпитета в поэзии), причастие I — нечётко выделенную, аморфную функцию, находящуюся где-то на грани между двумя полярными функциями простого и предикативного атрибута (в схеме 1). Кроме того, уже сами исследовательские трудности установления функции причастия I в конструкции I говорят о нечёткой дифференциации

причастий в древнеисландском языке: древнеисландское причастие I, в отличие от причастия I в современном английском языке, начиная отделяться от системы имени, всё-таки ещё очень близко к ней, о чём говорят: а) отсутствие отглагольных прилагательных (адъективированных причастий) в древнеисландском языке и б) тот факт, что функции причастия I и прилагательного, стоящих в одной и той же синтаксической позиции, в контрастной дистрибуции могут и не находиться: функция причастия I в конструкции II и функция прилагательного в пре- и постпозиции к определяемому слову (некоторые различия в функционировании причастий I и прилагательных здесь выявляются только на уровне речи).

Итоги анализа стилистической дистрибуции функций причастия I в «Старшей Эдде».

- 1) функция причастия I в схеме 4 всегда стилистически маркирована;
- 2) функция причастия I в двуплановых, двузначных схемах 1, 2 и 3, а также в конструкции III, где происходит субстантивация причастий, также могут нести коннотативную нагрузку, но тем не менее стилистическая маркированность при анализе каждого конкретного примера в его микро- и макроконтексте здесь выявляются не всегда.

Литература

1. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. М., 2001.
2. Задорожный Б.М. Значение и употребление причастия в германских языках. // Автореферат докт. дисс. М., 1964.
3. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. // Ч. I «Из истории атрибутивных отношений». М.-Спб., 2010.
4. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. // Исследования по теории и истории эпоса. М., 1968.
5. Моргалёва В.В. Древнегерманские имена и причастия на —NT / -ND (на материале готского и древнеанглийского языков). // Автореферат канд. дисс. Новосибирск, 2009.

6. Пауль Г. Принципы истории языка. Перевод с немецкого. М., 1960.
7. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 2002.
8. Стеблин-Каменский М.И. Старшая Эдда. М.-Л., 1975.
9. Ярцева В.Н. Именные формы глагола. // Историко-типологическая морфология германских языков. В трех томах. т. 3. СС. 120-152. М., 1978.
10. Heusler A. Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1977.

Список использованных текстов

1. Edda. Die Lieder des Codex. Regium herausgegeben von Gustav Neckel. Heidelberg, 1927.
2. Edda. Sönger af nordens äldsta skalder. Efter handskrifter från skandinaviska forn språket. Translated into Swedish by Björn Collinder. Uppsala, 1940.
3. The Elder Edda of Saemundar Sigfusson. Translated from the original Old Norse Text into English by Benjamin Thorpe. London, 1907.

Список сокращений цитированных песен «Эдды»

Akv.	—	Atlakviða
Alv.	—	Alvismál
Fm.	—	Fafnismál
Gðr. I, III	—	Guðrúnarkviða
Grm.	—	Grimnismál
Háv.	—	Hávamál
Hdl.	—	Hydlolióð
Hm.	—	Hamdismál
Hrbl.	—	Harbardlióð
Hym.	—	Hymiskviða
Ls.	—	Lokasenna
Od.	—	Oddrúnargrátr

Rm.	—	Reginsmál
Sg.	—	Sigrdrifumál
Vsp.	—	Vǫluspá
Þrk.	—	Þrymkiða